

Сиятельный чудак

Чужачество нельзя признать существенной чертой русского человека, однако оно свойственно его натуре. Под словом «чужачество» не следует разуметь исключительно умственное расслабление или явления психического свойства. Это просто произвольное или вынужденное оригинальничанье, в большинстве обусловленное избытком жизнедеятельности и в меньшинстве, наоборот, жизненной неудовлетворенностью. Так писал в своей книге «Замечательные чудачки и оригиналы» русский писатель Михаил Иванович Пыляев (1845–1900), ставший широко известным благодаря своим многочисленным очеркам, в которых он описывал быт и нравы Петербурга и Москвы XVIII–XIX столетий. Упомянутая книга вышедшая в свет всего за два года до смерти М.И. Пыляева, также состоит из таких очерков, герои которых «прославились» своими странностями в самых разных областях. Не обошлось, естественно, и без музыкальной темы, представленной весьма колоритным описанием чудачеств графа Российской империи П.М. Скавронского (1757–1793), чья страсть к музыке переходила все разумные границы.

Историки музыки обычно проходят мимо таких описаний, считая их несущественными. Однако без таких описаний и прочих любопытных подробностей музыкального быта представление о музыкальной культуре того или иного исторического периода окажется, пожалуй, неполным. К тому же хорошо известно, что введенное в музыковедческие труды живое литературное слово звучит и воспринимается гораздо более убедительно, нежели сухие научные умозаключения. Поэтому читателю, думается, будет интересно ознакомиться с содержанием «музыкального» фрагмента книги М.И. Пыляева. Учитывая же, что фрагмент этот не слишком большой по объему, лучше не пересказывать его, а привести целиком.

Граф П.М. Скавронский

Граф Павел Мартынович Скавронский, внук императрицы Екатерины I, был богат и знатен. Его отец, Мартын Карлович, — сын лифляндского крестьянина-латыша, приходившегося родным братом государыни, родился в бедности, но в царствование Елизаветы Петровны он достиг значения важнейшего русского вельможи. Мартын Карлович умер генерал-аншефом, обер-гофмейстером и Андреевским кавалером, оставив единственному сыну своему Павлу несметные богатства.

Павел Мартынович получил блестящее образование под руководством иностранных наставников. С внешней стороны это был чрезвычайно изящный,

элегантный молодой человек, воспитанный по всем правилам придворного этикета. Но, однако, он не умудрился сделать себе никакой служебной карьеры, благодаря неудержимой страсти к музыке, которая в конце концов обратила его в незаурядного чудака.

Еще в молодые годы Скавронский вообразил себя выдающимся певцом и гениальным композитором. Все свое время он посвящал пению и композиции, хотя ни в том, ни в другом не мог преуспеть.

Раздосадованный на равнодушие соотечественников к своему дарованию и находя, что его не понимают на родине, он решил покинуть Россию и отправился в Италию, классическую страну мелодии и звуков.

Павел Мартынович был убежден, что там оценят его таланты и произведут в знаменитости.

Путешествуя по Италии, он всюду проявлял изумительную щедрость, однако исключительно по отношению к представителям вокального искусства. На его счет жили певцы, певицы и музыканты, не особенно церемонившиеся со своим патроном, который почти для них только и держал открытыми настежь двери своего чрезвычайно гостеприимного дома.

В Милане, в Венеции и во Флоренции, где он периодически проживал, его окружала громкая популярность, но далеко не в том смысле, в каком он ее представлял. Скавронского все считали чудаком и без снисхождения смотрели на его музыкальную блажь. Одни тешили его большое самолюбие из-за материальных выгод, другие — из сожаления человека, вышедшего из нормы. И, разумеется, эта лесть, угодливость и сожаление, исходившие от его музыкальных друзей, еще в большей степени развили в Скавронском склонность к эксцентричности.

Притворные друзья приходили в восторг от его курьезных композиций, серьезно их разучивали и даже исполняли их иногда на сцене, подвергая автора довольно-таки несдержанной критике беспристрастной толпы.

Изю дня в день в доме Павла Мартыновича собиралось музыкальное общество, находившее у него не только изысканные яства и пития, но даже драгоценные сюрпризы, что и обязывало всех посвятить некоторую часть времени хозяйскому творчеству.

Скавронский сочинил несколько опер, которые ставились на сцене в Италии. Ни одна из них, конечно, не имела успеха. Видеть свои произведения на подмостках сиятельному композитору обходилось очень дорого. Принимая на себя все расходы по постановке, нужно было одаривать всех участвующих, чтобы они не отказывались от своих партий, и, кроме того, нужно было откупить полтеатра для своих прислужников, которые обязаны были представлять из себя восторженных зрителей. Они неистово аплодировали и усердно заглушали свист и шиканье независимых меломанов, являвшихся на представление графских опер как на необычайно курьезное зрелище. Впрочем, Скавронского не особенно смущали неодобрительные отзывы публики или музыкальной критики. Он все любил

объяснять в свою пользу и всякий протест приписывал зависти к своему таланту. Это убеждение поддерживали в нем и друзья.

Предаваясь все более и более музыкальной страсти, Скавронский дошел до того, что прислуга не смела разговаривать с ним иначе как речитативом.

Выездной лакей-итальянец, приготовившись по нотам, написанным его господином, приятным баритоном докладывал графу, что карета подана. Причем на последних нотах держал большую фермату.

Метрдотель из французов фальцетным тенорком извещал графа, что стол накрыт. В его репертуар входило несколько музыкальных номеров. В дни торжественные мелодия его извещения построена была на высоких нотах, в будни — тон значительно понижался. При гостях ария метрдотеля удлинялась несколькими лишними тактами.

Кучер, вывезенный из России, был также обучен музыке. Он басом осведомлялся у барина, куда он прикажет ехать. Своей густой октавой он нередко пугал прохожих, когда на певучие вопросы графа начинал с козел давать певучие ответы.

При парадных обедах, вечерах и музыкальных собраниях вся прислуга Скавронского образовывала хоры, квинтеты, квартеты и проч. Меню пел метрдотель; официанты, разливая после каждого блюда вино, хором извещали о названии предлагаемого ими напитка. В общем, его обеды, казалось, происходили не в роскошном его палатце, а на оперной сцене. В особенности если ко всему этому прибавить, что сам граф отдавал свои приказания прислуге тоже обязательно в музыкальной форме. В этом случае не отставали и гости. Чтобы угодить хлебосольному хозяину, они вели с ним разговор в виде вокальных импровизаций.

После пятилетних чудачеств в Италии Скавронский возвратился в 1781 году в Петербург. В это время ему было всего 27 лет [24 года — Ю.Б.]. Женившись на племяннице князя Потемкина — Екатерине Васильевне Энгельгардт, — он преодолел свою страсть к музыке, променяв ее на дипломатическую карьеру. В 1785 году он был назначен русским посланником в Неаполе...

Что и говорить — весьма занимательная история. Однако кое-что к ней необходимо добавить, а какие-то моменты скорректировать. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что повествование как бы обрывается на полуслове, и при этом создается впечатление, что его герой благодаря женитьбе «прозрел», отказался от своих музыкальных чудачеств и впоследствии превратился во вполне нормального дипломата. В действительности же все было не совсем так. Разумеется, женившись на племяннице одного из высших сановников империи, граф Скавронский не мог позволить себе «обратить ее в свою веру», заставив общаться с ним речитативом. Но ведь далеко не все время супруги проводили вместе. Более того, когда в 1785 году граф получил назначение в Неаполь, ему пришлось отправиться туда в одиночестве. Его супруга наотрез отказалась покинуть

Петербург. Лишь через пять лет она, наконец-то, соблаговолила прибыть в столицу Неаполитанского королевства. А до того времени ничто не мешало графу Скавронскому предаваться своим музыкальным «забавам», поражая местных меломанов своим чудачеством, как, впрочем, и необычайным чванством. «Соединяет он, – писал о графе Скавронском один из соотечественников, заставших его в Неаполе, – с крайнею неосторожностью в разговорах высокомерие о своем месте и для того слово «депеш» в разговорах употребляет; везде и во всякой тесноте кричит о сем и людям своим приказывает, что он “il ministro di Moscovia...”».

В своем очерке М.И. Пыляев утверждает, что граф Скавронский во время первого своего пребывания в Италии написал несколько опер, и их даже удалось поставить на сцене. История, однако, не сохранила ни партитур «сиятельнейшего композитора», ни даже названий его музыкально-сценических опусов. Разумеется, тщательные «музыкальные раскопки» в Италии могли бы привести к каким-нибудь результатам. Но, думается, вряд ли кому придет в голову отыскивать творения одного из многочисленных дилетантов XVIII века. Но, как выясняется, страсть графа Скавронского к музыке все-таки оставила своеобразную память о нем в истории отечественной музыкальной культуры. Граф оказался прототипом главного героя комической оперы «Песнолюбие», написанной в 1790 году в Петербурге придворным капельмейстером Екатерины II испанцем Висенте Мартин-и-Солером на либретто статс-секретаря императрицы А. Храповицкого. Правда, не желая открыто обидеть представителя известного графского рода, либреттист перенес действие оперы в усадьбу сельского дворянина. Однако все повадки этого персонажа, взявшего себе имя Мелодист, называвшего своих слуг не иначе как Примо и Секондо и даже перекрестившего своих дочерей Агафью и Аграфену в Адажию и Аллегру, ясно выдавали в нем графа Скавронского.

Сам же граф, однако, в 1790 году находился в Неаполе и потому, разумеется, не мог присутствовать на премьере оперы, еще раз напомнившей о его музыкальных курьезах петербургскому высшему свету. А уже три года спустя он скончался от тяжелой болезни, не дожив и до сорока лет. На этом, собственно, и пресеклась недолгая история графского рода Скавронских, ведущего свой отсчет с 1727 года, когда братья Екатерины I Карл и Федор получили этот титул. Сыновей у Павла Мартыновича не было. А от брака с Екатериной Васильевной Энгельгардт у него остались две дочери – Екатерина и Мария. Интересно, что Екатерина, выданная в 1800 году Павлом I замуж за одного из лучших генералов русской армии князя П.И. Багратиона, так же, как и ее мать, большую часть времени проводила вдали от своего супруга. Как до, так и после его геройской гибели на Бородинском поле, она преимущественно жила за границей, где долгое время слыла первой красавицей, сводя с ума многих европейских знаменитостей, включая баварского короля Людвига и австрийского канцлера Меттерниха. Ей доводилось выполнять весьма деликатные поручения Александра I, поставляя ему сведения о политических настроениях в Европе. Известно

также, что впоследствии именно с нее писал некоторых своих героинь Бальзак. Что же касается ее матери – вдовы графа П.И. Скавронского, то она недолго пребывала в этом качестве. Возвратившись в 1793 году в Петербург, она повторно вышла замуж – на этот раз за итальянского графа Ю.П. Литту. Их брак был счастливым, однако новый супруг также не был обделен эксцентрическими особенностями. Во-первых, он обладал поразительной силы басом, и этот громовой голос, получивший в обществе наименование «трубы архангела при втором пришествии», перекрывал собой не только все другие голоса, но даже и звучание оркестра. А во-вторых, граф Литта страстно любил мороженое, которое поглощал в огромных количествах везде, где только бывал.

Кстати, судьба графа Литты, находившегося в родственных связях с большинством аристократических русских семейств, также удостоилась внимания М.И. Пыляева, посвятившего этому вельможе немало строк в своей книге о чудаках. Но это уже – совершенно другая история.

(«Старинная музыка». 2001. № 4. С.19–21)